

Информация для цитирования:

Челик А. Трансформация образа России в учебниках истории Турции в контексте государственной исторической политики периода холодной войны (1945—1991 годы) / А. Челик, Х. Бингёль // Научный диалог. — 2026. — Т. 15, № 4. — С. 560—588. — DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-560-588.

Çelik, A., Bingöl, H. (2026). Transformation of Russia's Image in Turkish History Textbooks in Context of State Historical Policy during Cold War (1945–1991). *Nauchnyi dialog*, 15 (4): 560-588. DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-560-588. (In Russ.).

Web of Science™

РИНЦ

Перечень рецензируемых изданий ВАК при Минобрнауки РФ

Трансформация образа России в учебниках истории Турции в контексте Государственной исторической политики периода холодной войны (1945—1991 годы)

Челик Ахмет

orcid.org/0000-0002-0624-6701
доцент кафедры истории
(история Турецкой Республики)
Института социальных наук,
корреспондирующий автор
ahmetcelik2@firat.edu.tr

Бингёль Харун

orcid.org/0009-0009-4685-585X
магистрант кафедры истории
(история Турецкой Республики)
Института социальных наук
e.harun.bingol@gmail.com

¹Фыратский университет
(Элязыг, Турция)

Transformation of Russia's Image in Turkish History Textbooks in Context of State Historical Policy during Cold War (1945–1991)

Ahmet Çelik

orcid.org/0000-0002-0624-6701
Associate Professor, Department of
History
(History of the Turkish Republic),
Institute of Social Sciences,
corresponding author
ahmetcelik2@firat.edu.tr

Harun Bingöl

orcid.org/0009-0009-4685-585X
Master's degree student,
Department of History
(History of the Turkish Republic),
Institute of Social Sciences
e.harun.bingol@gmail.com

¹Firat University
(Elazığ, Turkey)

ОРИГИНАЛЬНЫЕ СТАТЬИ

Аннотация:

Настоящее исследование посвящено анализу того, каким образом внешне- и внутривосточные ориентации Турции в период Холодной войны (1945—1991) формировали восприятие Советской России и России в целом, а также тому, как данный процесс отражался в школьных учебниках истории. Целью данного исследования стало выявление особенностей образа России, представленного в учебниках истории, который изменялся под воздействием трансформаций внутренней и внешней политики в период Холодной войны. Исследование также направлено на объяснение того, как данный образ отражался в дискурсе исторического образования, соответствуя политической атмосфере эпохи и служа определенным целям. Материал исследования составляют учебники истории, использованные в системе образования Турции в рассматриваемый период. Результаты контент-анализа показывают, что нарратив о России в учебниках истории тесно связан с идеологическими установками и внешнеполитическими предпочтениями Турции. Исследование также демонстрирует, что историческое образование функционирует не только как средство передачи знаний, но и как инструмент формирования коллективной памяти и идентичности. В работе в сравнительной перспективе анализируется, каким образом внешнеполитические ориентиры, сформированные в Турции в условиях Холодной войны, а также внутренние политические и социальные процессы отражались на репрезентации образа России и Советского Союза в учебниках истории.

Ключевые слова:

Холодная война; Турция; образ России; историческое образование; школьные учебники; коллективная память.

ORIGINAL ARTICLES

Abstract:

This study examines how Turkey's external and internal political orientations during the Cold War (1945–1991) shaped the perception of Soviet Russia and Russia in general, as well as how this process was reflected in school history textbooks. The aim of the research is to identify the distinctive features of the image of Russia presented in these textbooks, which evolved under the influence of changes in both domestic and foreign policy during the Cold War. The study also seeks to explain how this image was represented in the discourse of historical education, aligning with the political atmosphere of the time and serving specific objectives. The research material consists of history textbooks used in Turkey's educational system during the specified period. The results of the content analysis indicate that the narrative about Russia in these textbooks is closely linked to Turkey's ideological frameworks and foreign policy preferences. Furthermore, the study demonstrates that historical education functions not only as a means of knowledge transmission but also as a tool for shaping collective memory and identity. The paper provides a comparative analysis of how Turkey's foreign policy orientations, formed under the conditions of the Cold War, as well as internal political and social processes, influenced the representation of Russia and the Soviet Union in history textbooks.

Key words:

Cold War, Turkey, image of Russia, historical education, school textbooks, collective memory.

УДК 94:327(560)+37.035.43::94(47)“1945/1991”

DOI: 10.24224/2227-1295-2026-15-4-560-588

Научная специальность ВАК
5.6.2. Всеобщая история
5.6.7. История международных
отношений и внешней политики

Трансформация образа России в учебниках истории Турции в контексте государственной исторической политики периода холодной войны (1945—1991 годы)

© Челик А., Бингёль Х., 2026

1. Введение = Introduction

Государство, являясь одним из наиболее влиятельных регуляторов общественного мнения, посредством принадлежащих ему институциональных механизмов формирует общественное восприятие в соответствии с требованиями политических и социальных условий, прибегая при этом к различным инструментам. Эти инструменты были систематически осмыслены Луи Альтюссером в рамках концепции «идеологических аппаратов государства». В классификации Альтюссера «образовательный идеологический аппарат» указывает на воспроизводство идеологии на общественном уровне посредством системы образования, включающей государственные и частные учебные заведения [Althusser, 2010, s. 169].

В процессе конструирования коллективной памяти государства используют идеологические аппараты как функциональные инструменты, ориентированные на определённые социальные и политические цели. Особенно в странах с обязательным образованием система обучения и учебные программы играют центральную роль в формировании общественного восприятия и национальной идентичности. В этом отношении ситуация в Турции, с момента своего основания рассматривающей образование как средство передачи национального единства и общественной солидарности, является показательной. Турецкая Республика под влиянием опыта империалистической оккупации и исторических травм выработала защитную позицию как во внутренней, так и во внешней политике, что нашло отражение и в образовательной политике. В данном контексте образование выполняло не только функцию передачи знаний, но и стратегическую роль в сохранении национального существования и формировании общественного сознания.

Межгосударственные отношения формируются под воздействием не только текущих политических процессов, но и исторически накопленных

представлений. Для целостного понимания образа России в системе турецкого образования необходимо кратко обратиться к историческому фону турецко-российских отношений. Согласно историческим источникам, отношения с Россией, которую с точки зрения турецкой стороны можно охарактеризовать как «сложного соседа», на протяжении веков развивались преимущественно в русле конфликтов интересов и войн. Первый дипломатический контакт Османской империи с Россией, находившейся тогда в статусе княжества, был установлен в 1497 году в период правления Ивана III посредством посольства Михаила Плещеева в Стамбул [Kurat, 1987, s. 117]. В последующие столетия османо-российские отношения длительное время характеризовались соперничеством и напряжённостью в связи со стремлением России к выходу к тёплым морям, политикой панславизма на Балканах, кавказским вопросом и вооружёнными конфликтами.

Данный исторический фон и преемственность коллективной памяти обуславливают необходимость осознанного разграничения используемых в исследовании понятий. В этой связи термин *Советский Союз* применяется для обозначения конкретной историко-политической государственной структуры, тогда как сочетание *Советская Россия* используется с целью подчеркнуть идеологический и дискурсивный образ, формируемый в учебниках и коллективной памяти в контексте исторических отношений.

Анализ научной литературы по турецко-российским отношениям показывает, что они преимущественно рассматриваются в конфликтной плоскости. Вместе с тем внимание уделяется и ограниченному числу периодов взаимного сближения. Эти исключительные этапы сводятся к временному союзу конца XVIII века, сложившемуся в условиях экспансионистской политики Наполеона, а также к периоду после Октябрьской революции, когда Турецкая национально-освободительная борьба велась против империалистических держав [Широкоград, 2016, с. 4]. Поддержка, оказанная Советами Турецкому освободительному движению, способствовала кратковременному улучшению отношений; эта тенденция в определённой степени сохранялась и в первые годы после основания Турецкой Республики, особенно в период правления Мустафы Кемалья Атаатюрка. Однако после Второй мировой войны отношения вновь обострились, и в годы Холодной войны исторически укоренившийся в турецкой коллективной памяти образ «московита» укрепился, соединившись с антикоммунистическим дискурсом [Çelik, 2020a, s. 406].

Период Холодной войны стал этапом, на котором идеологические расхождения в турецко-российских отношениях проявились наиболее отчётливо. Анализ того, каким образом в Турции формировалось восприятие России и Советской России в этот период, имеет большое значение для по-

нимания процессов конструирования коллективной памяти. В этом контексте исследование направлено на демонстрацию того, что образ России и Советского Союза в учебниках истории в годы Холодной войны представлял собой не статичный и неизменный идеологический нарратив, а контекстуально изменяющийся дискурс, трансформировавшийся в зависимости от внешнеполитических ориентиров Турции и международной конъюнктуры, что рассматривается в периодическом и сравнительном измерении.

Историческое образование играет ключевую роль в формировании и реконструкции коллективной памяти. В соответствии с этим данное исследование ставит целью проанализировать учебники истории, использовавшиеся в Турции в 1945—1991 годах, с применением методов контент- и дискурсивного анализа, чтобы выявить соотнесенность образов России и Советского Союза с внешнеполитическими предпочтениями Турции на различных этапах Холодной войны и их дискурсивные трансформации. Работа не только вносит вклад в изучение восприятия России и Советского Союза в турецкой системе образования, но и способствует более глубокому пониманию дискурсивных усилий, направленных на формирование общественного мышления.

2. Материал, методы, обзор = Material, Methods, Review

В рамках данного исследования проанализированы учебники истории и обществознания, изданные в Турции в период с 1945 по 1991 годы. Материальный корпус исследования включает как оригинальные издания, доступ к которым был получен через частные коллекции и букинистические источники, так и реконструированные тексты, сформированные на основе вторичных публикаций, содержащих цитаты из учебников, недоступных для непосредственного анализа. Такой методологический подход позволил оценить содержательные тенденции школьного исторического нарратива соответствующего периода на максимально широкой эмпирической выборке.

Для каждого хронологического этапа в рамках исследования были отобраны не менее трёх учебников; в совокупности проанализировано шестнадцать учебников, включая издания, изученные непосредственно, а также пять учебников, рассмотренных на основе вторичных источников. Полный перечень проанализированных учебников представлен в разделе «Библиография».

Методологическая рамка исследования основана на сочетании трёх взаимосвязанных подходов:

(1) контент-анализа, направленного на выявление ключевых тематических характеристик образа России и СССР;

(2) дискурс-анализа, ориентированного на выявление трансформаций образных представлений в учебниках в зависимости от периодов политической разрядки и обострения в ходе холодной войны;

(3) сравнительного текстового анализа, позволяющего сопоставить содержание учебников с хронологией международных событий периода 1945—1991 годов.

Комплексное применение указанных методов позволяет проследить, каким образом изменения во внутренней и международной политической конъюнктуре находили отражение в образовательном дискурсе как на качественном уровне, так и в контексте тематической частотности.

Несмотря на наличие в существующей историографии значимых исследований по данной проблематике, большинство из них характеризуется определёнными ограничениями. Так, в статье М. Шахина и М. Сойсала (2018), посвящённой анализу репрезентации советского и российского образа в турецких учебниках истории, основное внимание уделяется учебным программам и нарративным структурам, тогда как полученные выводы в недостаточной степени соотносятся с периодическими политическими изменениями эпохи холодной войны [Şahin et al., 2018, s. 332—339]. Аналогичным образом в статье Акташа (2013), посвящённой анализу исторической эволюции образа России в турецких учебниках истории, не осуществляется систематическое сопоставление содержания учебников с международными событиями соответствующего периода [Aktaş, 2013, s. 186—206].

В русскоязычной научной литературе оценивается роль учебников в формировании национальных интересов и коллективной исторической памяти. Так, в статье С. И. Алиевой (2021), в которой анализируются российские учебники истории, показано, что Турция и тюркский мир в целом представлены преимущественно в качестве военной угрозы, исторического соперника и «другого». Работа демонстрирует, что учебники функционируют как политический ресурс, воспроизводящий исторический дискурс, ориентированный на геополитические приоритеты в области национальной безопасности государства и согласованный с его внешнеполитическим курсом [Алиева, 2021]. В отличие от данного подхода, в нашей работе предлагается хронологически дифференцированная перспектива, в рамках которой аналогичная проблематика рассматривается на примере Турции в контексте холодной войны.

Кроме того, коллективная монография под редакцией В. А. Аваткова (2024) «Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая» показывает, что в учебниках стран постсоветского пространства образ России воспроизводится в тесной связи с национальной

идентичностью и политическими ориентациями, что свидетельствует о том, что историческое образование выступает не только педагогическим, но и идеологическим каналом трансляции смыслов [Аватков, 2024]. Указанное исследование, однако, в силу своего хронологического охвата обращается к иному историческому контексту по сравнению с периодом холодной войны, находящимся в фокусе настоящего исследования.

Несмотря на то, что перечисленные исследования подчёркивают тесную взаимосвязь учебников с государственной политикой, в них отсутствует целостный сопоставительный анализ динамики составляющих образа России и Советского Союза в турецких учебниках истории в соотношении с ключевыми политическими переломами холодной войны. Настоящая работа, опираясь на более широкий корпус источников и используя сравнительно-исторический метод, ставит своей целью выявить, как образ России и СССР в учебниках истории Турции воспроизводился и трансформировался в зависимости от динамики внешнеполитических факторов.

3. Результаты и обсуждение = Results and Discussion

3.1. Направленность исторической политики Турции периода холодной войны в контексте взаимосвязи коллективной памяти и образования

Коллективная память представляет собой форму общественного воспоминания, включающую совокупность общих для социума переживаний, нарративов и символов, связанных с прошлым. Выходя за пределы индивидуальной памяти, она определяет способы осмысления исторических событий социальными группами, а также влияние этих интерпретаций на актуальные идентичности и социальные отношения. Социологические основания данного понятия были впервые систематически разработаны Моррисом Хальбваксом [Hasanov, 2016, s. 1438]. По Хальбваксу, индивидуальная память формируется при содействии коллективной памяти, поскольку жизненный опыт индивида не может рассматриваться вне того коллективного исторического контекста, в котором он существует [Halbwachs, 2023, s. 65]. Данная форма общественного воспоминания выступает одной из ключевых отправных точек исторической политики, формируемой государствами в соответствии с их стратегическими целями.

Развивая подход Хальбвакса, Ян Ассман рассмотрел долговременное и институционализированное измерение памяти в рамках концепции «культурной памяти». Согласно Ассману, культурная память выходит за рамки индивидуального воспоминания и представляет собой внешне опосредованное измерение человеческой памяти, обеспечивающее сохранение идентичности и преемственности сообществ; она служит конструирова-

нию социальной непрерывности посредством селективного сохранения прошлого [Assmann, 2015, s. 48].

В этом контексте историческое образование, в рамках которого осуществляется селективное сохранение прошлого, занимает центральное место в формировании, воспроизводстве и, при необходимости, реконструкции коллективной и культурной памяти. Национальные государства, прежде всего посредством преподавания истории, формируют представления граждан о прошлом и стремятся обеспечить устойчивость национальной идентичности. С этой точки зрения система образования выступает не только инструментом передачи знаний, но и идеологическим механизмом, фиксирующим, трансформирующим и направляющим общественную память.

Взаимодействие между коллективной памятью и образовательной политикой носит двусторонний характер. Образовательная политика, с одной стороны, формируется под воздействием доминирующих в обществе ценностей, а с другой — воспроизводит и трансформирует эти ценности. Государства, формируя учебные программы в соответствии со своими идеологическими ориентациями, играют определяющую роль в конструировании общественной памяти. Тем самым создаются условия для педагогического формирования образа «другого» в международных отношениях.

Образование обладает всеобъемлющим характером и оказывает влияние на все сферы социокультурной структуры общества, в котором оно осуществляется [Çelik, 2020b, s. 439]. Турецкая Республика, сформировавшаяся как национальное государство, выстроила свою образовательную политику в данном русле, опираясь на принцип национального сознания. Аналогичным образом и другие современные национальные государства нуждались в централизованном управлении и, в особенности, в системе образования для поддержания социальных структур, основанных на общих исторических корнях и культурных нормах. Данная необходимость сыграла важную роль в формировании специфических моделей национальных государств [Boyer et al., 2015, s. 14—15].

Протекционистский характер Турции как национального государства, сложившийся под воздействием исторических и географических факторов, обусловил неизбежное усиление влияния государства на систему образования, прежде всего в сфере преподавания истории. Историческое образование, выходя за рамки простого изложения прошлого, может функционировать как прагматичный инструмент, который на политическом уровне, опосредованном соображениями безопасности и интересов, формирует идеологический мост либо линию разграничения в восприятии обществами друг друга. В силу этого историческое образование в процессе конструирования общественной памяти может как способствовать формированию

мирного общественного сознания по отношению к другим государствам, так и — в зависимости от конкретных политических условий — усиливать конфликтогенные и исключаяющие тенденции.

В период холодной войны, который оказал определяющее влияние на направление и динамику турецкой исторической политики, трансляция исторического знания посредством системы образования в Турции стала одним из ключевых инструментов реконструкции общественной памяти в соответствии с политическими ориентирами государства. В исторической памяти Турции, связанной с Россией и русскими, поляризованная политическая атмосфера данного периода создала предпосылки для позиционирования образа России в образовательной политике как «стратегического другого». Таким образом, период холодной войны представляет собой критический этап, в ходе которого в Турции предпринимались попытки переосмысления и перестройки коллективной и культурной памяти посредством системы образования, что позволяет отчетливо проследить данный процесс.

Настоящая теоретическая оценка показывает, что историческое образование представляет собой идеологическое пространство, тесно связанное с внешнеполитическими ориентирами государств. Для понимания того, каким образом данная взаимосвязь проявлялась в турецком контексте, необходимо обратиться к анализу идеологической и геополитической структуры холодной войны, а также к рассмотрению положения Турции в рамках данной системы.

3.2. Идеологические и геополитические рамки холодной войны и положение Турции

Исторический опыт показывает, что международные отношения в значительной степени формируются на основе интересов, и данная закономерность сохранялась и после Второй мировой войны. США и СССР, выступавшие союзниками в годы войны, в послевоенный период заняли позиции в противоположных идеологических лагерях. Это противостояние оказало долговременное структурное влияние на мировую политику; термин *холодная война* впервые был использован Бернардом Барухом в 1947 году [Çelik, 2020b, s. 37, 45].

Сформировавшийся биполярный миропорядок привёл к масштабному идеологическому, политическому, экономическому и технологическому соперничеству между США и СССР, которое затронуло не только баланс сил, но и внутреннюю и внешнюю политику государств, их идеологические ориентиры и системы образования. Проявления холодной войны выразились в идеологической поляризации, прокси-войнах, региональных кризисах и дипломатическом давлении, что позволяет рассматривать её

как комплексный исторический процесс, переопределивший политические и культурные балансы XX века.

Эрик Хобсбаум подчёркивает, что холодная война, основанная на ядерном сдерживании, гонке вооружений и идеологической конфронтации, сформировала устойчивую атмосферу коллективного страха. Принцип «гарантированного взаимного уничтожения», предотвращая прямой конфликт, одновременно закрепил в общественном сознании постоянное ощущение ядерной угрозы [Hobsbawm, 2011, s. 302].

Холодная война не была однородной по своему характеру. В 1945—1960 годах доминировала жёсткая поляризация, в 1960-е годы при сохранении конфронтации усилились дипломатические контакты, а в 1970-е годы утвердилась политика разрядки (детанта). Армаоглу характеризует этот этап как фазу ослабления биполярной системы без перехода к многополярности [Armaoğlu, 2018, s. 409]. В 1980—1991 годах система вступила в стадию распада, завершившуюся распадом СССР в 1991 году.

Турция оказалась одной из стран, наиболее затронутых данным глобальным противостоянием, что было обусловлено её географическим положением и стратегическими связями с Западом. В условиях холодной войны вопросы безопасности заняли центральное место во внешней политике Анкары, а процесс принятия политических решений во многом формировался под влиянием биполярного соперничества.

Особую роль сыграли требования СССР, затрагивавшие суверенитет Турции, что ускорило её ориентацию на западный блок. Этот процесс начался с Доктрины Трумэна 1947 года и был институционализирован вступлением Турции в НАТО в 1952 году. В связи с этим анализ идеологических и геополитических параметров холодной войны и положения Турции в данной системе представляет собой необходимый контекст для понимания последующих социальных, политических и культурных трансформаций, рассматриваемых в исследовании.

3.3. Образ России в турецких учебниках истории в начальный период холодной войны (1945—1950 годы)

После Второй мировой войны Турция в период однопартийного правления Республиканской народной партии под руководством Исмета Инёню вступила в фазу заметных трансформаций как во внутренней, так и во внешней политике. В условиях формирования послевоенного мирового порядка Турция оказалась одной из стран, непосредственно затронутых соперничеством двух сверхдержав. Особенно в сталинский период угрожающее отношение Советского Союза к Турции стало одним из ключевых факторов, определявших внешнеполитические ориентиры Анкары. Как отмечает Ильбер Ортайлы, осторожная позиция правительства Инёню

в ответ на необоснованные требования сталинской России, затрагивавшие суверенитет Турции, привела к постепенному охлаждению двусторонних отношений [Ortaylı, 2023, s. 167].

Международная конъюнктура, сложившаяся после войны, обусловила формирование стратегических предпочтений Турции в контексте таких событий, как Ялтинская и Потсдамская конференции, доктрина Трумэна и план Маршалла. В этот период были заложены основы институционального сотрудничества между Турцией и США в сфере образования: в 1946 году в Каире были предложены соответствующие инициативы, а в 1949 году они получили устойчивую институциональную форму с подписанием Фулбрайтского соглашения в Анкаре. Эти процессы подготовили почву для существенных трансформаций не только во внутренней и внешней политике Турции, но и в ее образовательной политике [Arslan et al., 2021, s. 6012].

Ялтинская конференция (4—11 февраля 1945 года), которую можно рассматривать как один из первых ключевых эпизодов, определивших позицию Турции по отношению к Советскому Союзу в период холодной войны, имела для Анкары критическое значение [Çelik, 2020b, s. 100]. На конференции Сталин поднял вопрос о проливах, потребовав пересмотра Конвенции Монтрё, а в 1946 году эти требования приобрели форму открытой угрозы в виде советских нот [Ogan, 2009, s. 472—475]. Советский Союз потребовал возврата Карса и Ардагана, а также выдвинул требование о размещении военных баз в проливах. Данные шаги были восприняты как прямое посягательство на суверенитет Турции и стали одним из важнейших факторов, сделавших ориентацию Анкары на западный блок практически неизбежной.

После Потсдамской конференции (июль—август 1945 года) военно-политическое давление Советского Союза на Турцию продолжилось, что побудило руководство страны к дальнейшему сближению с Соединёнными Штатами. Символическим проявлением этого сближения в общественном восприятии стал визит в 1946 году линкора Миссури, доставившего в Турцию тело скончавшегося в США турецкого посла в Вашингтоне Мюнира Эртегюна [Çelik, 2020b, s. 259].

Турецко-американское сближение получило официальное оформление с провозглашением доктрины Трумэна в 1947 году. Доктрина была направлена на оказание экономической и военной помощи Турции и Греции с целью защиты этих стран от советского влияния [Akşin, 2022, s. 240]. Как подчёркивал сам президент Трумэн, богатые природные ресурсы и стратегическое положение Ближнего Востока имели для США первостепенное значение [Güler, 2004, p. 210]. В результате Турция приняла внешнеполи-

тический курс, ориентированный на США, а в экономическом и идеологическом плане — на Запад [Çelik, 2020b, s. 279].

Реализация плана Маршалла (1947 год), последовавшая за доктриной Трумэна, способствовала более глубокой экономической интеграции Турции в западный блок [Güler, 2004, s. 220]. Наиболее осязаемое влияние в сфере образования проявилось с подписанием Фулбрайтского соглашения в 1949 году. В рамках программы, инициированной сенатором Дж. Уильямом Фулбрайтом, положение о предоставлении окончательного права принятия решений послу США в случае равенства голосов в Фулбрайтской комиссии вызвало серьёзную критику с точки зрения независимости турецкой образовательной системы [Arslan et al., 2021, s. 6012—6015]. Несмотря на предоставление стипендиальных и академических обменных возможностей, данная структура институционализовала влияние США на образовательную политику Турции.

Хотя невозможно говорить о прямом отражении стратегических реакций Турции на советскую угрозу в образовательных учебных программах в первые годы холодной войны (1945—1950 годы), Фулбрайтское соглашение создало институциональную основу, способствующую формированию идеологических ориентиров в сфере образования в последующие годы.

Анализ учебников истории за 1945—1950 годы показывает отсутствие прямых идеологических изменений в отношении образа России и русских в данный период. Стремительное развитие внешнеполитических процессов после Второй мировой войны, по-видимому, сместило приоритеты правительства в сторону дипломатических и военных вопросов, оставив сферу образования на второстепенных позициях. Кроме того, тот факт, что обновлённая версия учебной программы 1928 года — программа 1936 года — оставалась в силе до 1948 года, свидетельствует о том, что текущие политические изменения ещё не нашли отражения в образовательных стандартах [Boyko, 2011, s. 159].

Для выявления возможных изменений в восприятии России в послевоенных учебных программах целесообразно обратиться к учебникам истории, использовавшимся в школах до 1940-х годов. Анализ данных источников показывает, что образ России в турецких учебниках истории в целом носил нейтральный, а местами и позитивный характер. Так, в учебнике «История» для 3 класса средней школы, подготовленном Министерством национального образования Турции в 1939 году, подчёркивается, что «новая Россия видит свои интересы в дружественной и поддерживающей позиции по отношению к туркам» [Şahin et al., 2018, s. 335], что свидетельствует о стремлении к переосмыслению негативного образа царской России после большевистской революции.

В «Истории», учебнике для 5 класса начальной школы, изданном в 1945 году, царская Россия характеризуется как государство, «наносившее ущерб Османской империи» в контексте экспансионистской политики; при этом отсутствует негативная репрезентация Советского Союза, что указывает на неотражённость актуальной политической напряжённости в образовательном дискурсе данного периода [Şahin et al., 2018, s. 335].

Аналогичную линию демонстрирует «История III», учебник для средних школ, опубликованный в 1947 году, в котором подчёркиваются «дружественные отношения» между Турцией и большевистской Россией после Национально-освободительной борьбы, а также отмечается, что идеологические различия между двумя странами не препятствовали сохранению сотрудничества [Duru et al., 1947, s. 166—168]. В данном контексте Россия ещё не конструируется как идеологический противник.

В целом в учебниках истории 1945—1950 годов образ России формируется в рамках бинарной нарративной структуры: царская Россия представляется как исторический источник угрозы Османскому государству, тогда как Советская Россия интерпретируется в категориях «дружбы» и «антиимпериалистического партнёрства». Это свидетельствует о том, что, несмотря на наличие исторически закреплённого образа угрозы, в указанный период Россия ещё не трансформируется в образ идеологического врага в турецком образовательном дискурсе.

Данная конфигурация претерпит существенные изменения после 1950 года, когда с углублением холодной войны в турецкой системе образования начнёт формироваться отчётливо выраженная антисоветская и антикоммунистическая идеологическая рамка.

3.4. Период интеграции Турции в западный блок и формирование образа Советской России в школьных учебниках (1950—1960 годы)

Изменение глобального баланса сил после Второй мировой войны оказало глубокое влияние и на внутреннюю политику Турции в период правления Республиканской народной партии и Исмета Инёню. В целях обеспечения собственной безопасности и адаптации к новому мировому порядку Турция приняла прозападный внешнеполитический курс; данная ориентация ускорила процесс перехода к многопартийной системе. Требование демократического режима, выдвинутое Атлантической хартией и условиями членства в Организации Объединённых Наций, сделало внутренние политические реформы неизбежными; вступление Турции в ООН в качестве государства-учредителя 24 октября 1945 года сыграло решающую роль в завершении однопартийного периода [Çelik, 2020b, s. 303—304].

В период 1950—1960 годов трансформация турецкой политической структуры начала отражаться и в сфере образования; особенно антирос-

сийские и антикоммунистические установки приобрели выраженную идеологическую интерпретацию. Однако для корректного анализа образа России, сформированного в учебниках данного периода, прежде всего необходимо рассмотреть внутреннее и внешнеполитическое позиционирование Турции.

Демократическая партия, пришедшая к власти в 1950 году, продолжила прозападный внешнеполитический курс, сложившийся после Второй мировой войны; данная ориентация, сформированная в контексте Доктрины Трумэна, Плана Маршалла и требований Советского Союза к Турции, получила подкрепление. В этот период негативное отношение к Советскому Союзу стало более отчётливым, а процесс интеграции Турции в западный блок ускорился [Aslan et al., 2021, s. 297].

Отправка Турцией войск на Корейскую войну, начавшуюся 25 июня 1950 года, стала наглядным проявлением её приверженности западному блоку; направление 4500-членного турецкого контингента в Корею в соответствии с призывом ООН от 27 июня 1950 года ускорило процесс, завершившийся вступлением Турции в НАТО [Kurban, 2014, s. 255—256].

С точки зрения США Турция рассматривалась как ключевой региональный актор в стратегии сдерживания советского экспансионизма. В этом контексте оценка Дуайта Д. Эйзенхауэра, направленная президенту Трумэну и определявшая Турцию и Югославию как основные элементы южной оборонительной линии, наглядно демонстрирует стратегическое значение Турции для США [Hale, 2003, s. 119]. В результате при поддержке США Турция в 1952 году стала членом НАТО и официально вошла в состав западного блока [Kurban, 2014, s. 256].

Несмотря на то, что период 1950—1960 годов в целом характеризовался напряжённостью в отношениях между Турцией и Советским Союзом, после смерти Иосифа Сталина в 1953 году были предприняты шаги в направлении смягчения двусторонних отношений. Заявление Молотова от 30 мая 1953 года, сделанное турецкому послу и содержавшее отказ от прежних территориальных претензий [Gürün, 1991, s. 310], свидетельствовало о пересмотре отношений на дипломатическом уровне. Однако турецкое правительство расценило данный шаг как «тактический манёвр Советского Союза» и продолжило придерживаться прозападного курса [Aslan et al., 2021, s. 303].

Одним из наиболее показательных проявлений отражения идеологического позиционирования Турции 1950-х годов в образовательной сфере стало закрытие Институтов сельских учителей (Köy Enstitüleri). Основные в 1940 году, данные институты были направлены на распространение образования в сельской местности и подготовку сельской молодёжи,

прежде всего учителей, в целях социального развития. Однако в условиях холодной войны данные учреждения стали объектом обвинений в «пропаганде коммунизма».

Символическим выражением реакции правоконсервативных кругов стала позиция Неджипа Фазыла Кысакюрека, который в работе «Коммунизм и сельские институты в Турции» охарактеризовал эти учреждения как «духовные бойни, подавляющие нравственность анатолийского ребёнка и сознательно внедряющие коммунизм» [Kısakürek, 1962, s. 34]. Подобная риторика демонстрирует, что Институты сельских учителей рассматривались уже не в рамках образовательной политики, а как поле идеологической борьбы.

В 1954 году Институты сельских учителей были закрыты, а на их месте созданы педагогические училища. В тот же период обращает на себя внимание и попытка исключения произведений русских авторов из учебных материалов [Akandere et al., 2017, s. 311]. Эти процессы свидетельствуют о том, что в турецком образовании понятия «Россия» и «коммунизм» начали восприниматься не только как политическая, но и как культурная угроза.

Ещё одним кризисным фактором в турецко-советских отношениях стал сирийский вопрос. Начиная с 1955 года Турция, в соответствии с региональной стратегией США, ужесточила свою позицию в отношении Сирии, сближавшейся с Советским Союзом. В ответ сирийское руководство заявило, что США через Турцию и Ирак пытаются свергнуть сирийское правительство, и выслало сотрудников американского посольства. В дальнейшем Турция перебросила войска к сирийской границе, что вызвало активизацию советских сил на кавказском участке турецкой границы [Ahmad, 1996, s. 508].

После инцидента с американским разведывательным самолётом У-2, сбитым в мае 1960 года над территорией Советского Союза, и выяснения факта его вылета с базы Инджирлик в Турции, страна оказалась вовлечённой в кризис. Несмотря на осторожную позицию Анкары, отрицавшей свою ответственность, данный инцидент привёл к дальнейшему обострению турецко-советских отношений [Gülmez et al., 2014, s. 231—237].

Одним из значимых событий 1960 года также стало то, что запланированная встреча премьер-министра Турции Аднана Мендереса с советским лидером Никитой Хрущёвым не состоялась из-за военного переворота 27 мая 1960 года. После переворота Хрущёв направил письмо главе нового правительства Джемалю Гюрселю, в котором подчёркивал необходимость проведения Турцией нейтральной политики и предлагал организовать переговоры по общим вопросам; однако правительство Гюрселя не ответило на данное обращение, продолжив демонстрировать приверженность западному блоку [Hale, 2003, s. 123].

Период 1950—1960 годов стал этапом существенных трансформаций во внутренней и внешней политике Турции, идеологические следствия которых непосредственно отразились в сфере образования. В данный период образ России в учебниках истории начинает формироваться преимущественно в негативном ключе.

Анализ учебников истории за 1950—1960 годы фиксирует резкий идеологический сдвиг в восприятии России и Советского Союза в турецком образовательном дискурсе. В учебнике «История» для 3 класса средней школы, написанном Мустафой Джезаром и опубликованном в 1951 году, Коммунистическая партия характеризуется как сила, «стремящаяся установить коммунистический режим во всём мире», а Россия — как государство, «коварно скрывавшее свои истинные намерения» в мирный период и годы Второй мировой войны [Cezar, 1951, s. 207]. Подобные оценки отражают институционализацию антикоммунистической позиции Турции через систему образования в данный период.

Более радикальная риторика представлена в учебнике «История» для 3 класса лицея («Новое и новейшее время»), написанном Эмином Октаем и изданном в 1952 году, где Россия определяется как «крупнейшая колониальная империя в мире», а Советский Союз — как государство, ориентированное на «коммунизацию всего мира». Подчёркиваются особенности российского «колониализма», основанного на прямом присоединении территорий и русификации, а СССР описывается как «мнимая народная республика» и «жестокая красная диктатура», что демонстрирует целенаправленное конструирование образа России как негативного «Другого» [Şahin et al., 2018, s. 336—337].

Аналогичный дискурс воспроизводится в «Истории 3», учебнике для лицеев («Новое и новейшее время»), опубликованном в 1953 году Бедрие Атсыз и Хильми Ораном. В нём акцентируются ликвидация частной собственности, установление «диктатуры рабочего класса» и концентрация власти в руках генерального секретаря Коммунистической партии; подчёркивается нарушение личных свобод и подчинение многомиллионного населения узкой правящей группе [Şahin et al., 2018, s. 334, 337].

В «Истории», учебнике для средних школ, изданном Фаиком Решитом Унатом и Камилем Су в 1954 году, ключевым понятием становится «железный занавес»: Советский Союз представлен как сила, навязавшая собственный режим Восточной Европе и ограничившая деятельность ООН, тогда как создание НАТО интерпретируется как реакция демократического мира на советскую угрозу [Unat et al., 1954, s. 154—155].

В учебнике «История Турецкой Республики 1918—1953» для лицеев, опубликованном Энвером Зией Каралом в 1958 году, подчёркивается, что

разрыв турецко-российской дружбы в 1945 году был инициирован Советским Союзом, что закрепляет отказ от позитивного образа российско-турецких отношений раннего республиканского периода [Kara, 1958, s. 223].

В целом в период правления Демократической партии внешнеполитическая позиция Турции по отношению к СССР формировалась в рамках системы безопасности, выстроенной в союзе с западными державами [Ahmad, 1996, s. 506]. Это напрямую отразилось в учебниках 1950—1960 годов, где образовательный дискурс приобрёл жёсткий и отчуждающий характер. Образ России был институционализирован как «наиболее значимая внешняя угроза», а коммунистическая идеология — как антилиберальная и репрессивная, что свидетельствует о трансформации антироссийского нарратива из защитной реакции в устойчивый идеологический конструкт.

3.5. Идеологическая поляризация в Турции и образ России в школьных учебниках (1960—1980 годы)

Период 1960—1980 годов стал этапом, в ходе которого Турция обратилась к новым внешнеполитическим поискам, а идеологические внутренние конфликты приобрели особенно острый характер. Военный переворот 27 мая 1960 года, ставший отправной точкой данного периода, привёл к отмене Конституции 1924 года, принятию Конституции 1961 года и вынесению жёстких приговоров руководителям Демократической партии, что вызвало глубокий перелом в политической истории Турции [Akşin, 2022, s. 259].

После этих событий Турция вступила в фазу интенсивной политической поляризации, продолжавшуюся вплоть до 1980 года; общество оказалось резко разделённым по линиям правых и левых идеологий. Особенно с середины 1970-х годов нарастание уличных столкновений и политического насилия втянуло страну в атмосферу серьёзной нестабильности.

Развитие внешней политики также определило характер данного периода. Кипрская миротворческая операция 1974 года стала важной вехой в формировании турецких представлений о безопасности и внешнеполитических ориентирах. Кипрский вопрос, с одной стороны, привёл к переосмыслению прозападного курса Турции, а с другой — стал одним из немногих направлений, по которым Турция и СССР с 1960-х годов выработали общую позицию против энозиса [Сапар, 2018, s. 242—243].

Интенсивные идеологические столкновения между правыми и левыми силами способствовали тому, что понятия «Россия» и «коммунизм» начали восприниматься не только как внешняя угроза, но и как символ внутреннего идеологического противостояния. Лозунги типа «Коммунисты — в Москву!» и «Долой фашизм!» свидетельствуют о том, что Россия в коллективной памяти отождествлялась одновременно с образом внешне-го и внутреннего врага.

Относительная либерализация политической среды в начале 1960-х годов создала условия для роста партий, основанных на идеологических принципах. Основание Турецкой рабочей партии в 1964 году и самоопределение Республиканской народной партии как партии «левого центра» усилили идеологическое разнообразие периода [Akşin, 2022, s. 266]. Данное направление можно рассматривать как попытку демократической переинтерпретации отдельных элементов социалистической мысли, таких как социальная справедливость и равенство.

Плюралистическая политическая структура этого периода способствовала усилению не только левых движений, но и исламистских и националистических правых сил. Партия справедливости, движение «Национальное видение» и Партия националистического движения стали ключевыми акторами идеологической карты того времени.

Глобальное влияние студенческих движений 1968 года в Турции особенно ощутимо проявилось среди университетской молодёжи, что ещё более углубило идеологическую поляризацию. В то время как такие структуры, как ТИП (Рабочая партия Турции), ТХКО (Народно-освободительная армия Турции) и «Дев-Генч» (Революционная молодёжь), черпали вдохновение в советской идеологии, ПНД (Партия националистического движения), «Идеалистические очаги» и Ассоциации по борьбе с коммунизмом распространяли про-НАТОВский и антикоммунистический дискурс [Коса, 2018, s. 90—92].

Внешняя политика Турции в данный период продолжала формироваться в оси США — СССР. Карибский кризис 1962 года и решение США о выводе ракет «Юпитер», размещённых в Турции, без согласия Анкары вызвали сомнения в союзнических отношениях. Аналогичным образом «Письмо Джонсона» 1964 года стало серьёзным переломным моментом в турецко-американских отношениях [İlyas, 2015, s. 167].

В этих условиях Турция начала искать пути пересмотра своего позиционирования и в отношениях с Советским Союзом. Заявление президента Джемдета Суная в ходе встречи с президентом США Джонсоном в 1967 году о необходимости поддержания добрых отношений с СССР является одним из показателей данного поиска [Derman et al., 2015, s. 21—22]. В этом же русле визиты Сулеймана Демиреля и Джемдета Суная в СССР положили начало периоду смягчения турецко-советских отношений, основанному на экономическом сотрудничестве [Topsakal, 2016, s. 47].

Политика баланса, проводимая Турцией в середине 1970-х годов, была чётко артикулирована в ходе визита Бюлента Эджевита в Советский Союз в 1976 году. Подчеркнув исторические основы турецко-советской дружбы, Эджевит заявил о необходимости поддержания Турцией сбалансирован-

ных отношений с Москвой, несмотря на членство в НАТО [Derman et al., 2015, s. 27).

В целом экономические трудности, политическая нестабильность и атмосфера общественного насилия, характеризующие данный период, — более обобщённо обозначаемые как «хаотическая среда», — завершились военным переворотом 12 сентября 1980 года.

Анализ учебников периода 1960—1980 годов показывает, что в первой половине данного этапа идеологическое давление холодной войны на образ России и Советского Союза в турецком образовательном дискурсе в значительной степени сохранялось, тогда как во второй половине периода фиксируются признаки относительного смягчения.

В «Истории», учебнике для средних школ, опубликованном Мюкремом Кямилом Су в 1963 году, коммунизм представлен как угроза Европе на фоне экономического кризиса, а позиция Советского Союза охарактеризована как «служащая империалистическим устремлениям», в том числе в контексте советско-германского соглашения начала Второй мировой войны [Aktaş, 2013, s. 196, 198]. Подобная интерпретация демонстрирует устойчивое воспроизводство негативного образа СССР и поддержку прозападной политической линии через образовательный дискурс.

Аналогичная риторика присутствует в «Истории Турецкой Республики», учебнике для лицеев, написанном Энвером Бехнаном Шаполью и изданном в 1966 году. Германско-советский пакт о дружбе характеризуется как союз, «повергший весь мир в страх», а действия СССР в отношении Польши и Финляндии описываются как проявления агрессии и военной несостоятельности [Şarolyo, 1966, s. 161—162]. Конфликты между Германией и Советским Союзом интерпретируются как борьба «двух тоталитарных государств», взаимно уничтожающих друг друга [Şarolyo, 1966, s. 163]. Кроме того, подчёркивается создание Советским Союзом «государств-сателлитов» в Восточной Европе и на Дальнем Востоке, а также систематическое блокирование деятельности ООН посредством права вето; распространение коммунизма в Китае представлено как результат прямого советского вмешательства [Ibid., s. 168—169].

В «Истории», учебнике для 3 класса лицея, опубликованном Йылмазом Озтуной в 1976 году, революция 1917 года описывается как «немыслимо кровавое» крушение царского режима и установление коммунистического строя [Öztuna, 1976, s. 263]. Коммунизм представлен как утопическая и деструктивная система, превосходящая фашизм по жёсткости в вопросах прав человека и охватившая значительную часть человечества. Ответственность за его распространение автор возлагает на США, одновременно позиционируя их как единственный фактор сдерживания СССР

[Ibid., s. 267—268]. При этом Озтуна отмечает и сдерживание колониального империализма коммунизмом, что объясняется историческим контекстом Османской империи и значением большевистской помощи в период Турецкой войны за независимость [Öztuna, 1976, s. 268].

Идеологическая рамка холодной войны сохраняется и в «Истории Турецкой Республики 1918—1965», учебнике для лицеев, изданном в 1978 году, где подчёркиваются стремление Советской России извлечь односторонние выгоды из итогов Второй мировой войны и создание «государств-сателлитов», тогда как Турецкая революция легитимируется через её соотнесение с западными демократиями [Karal, 1978, s. 221, 225].

Вместе с тем в «Социальных знаниях», учебнике для 2 класса средней школы, изданном в 1979 году, фиксируются признаки смягчения турецко-советских отношений: наряду с историческими противоречиями упоминаются шаги по развитию добрососедства и расширению экономического сотрудничества, включая торговые связи между Турцией и Советским Союзом [Akşit et al., 1979, s. 179—180].

В целом учебники периода 1960—1980 годов демонстрируют, что турецкая система образования продолжала находиться под влиянием идеологической атмосферы холодной войны. В течение длительного времени Советский Союз представлялся как «коммунистическая угроза», посредством чего западные ценности легитимировались в глазах учащихся. Вместе с тем к концу 1970-х годов смягчение турецко-советских отношений нашло ограниченное и относительно нейтральное отражение в учебниках, что привело к частичному уравновешиванию негативного образа России.

3.6. Период прагматического подхода и репрезентация России в школьных учебниках (1980—1991 годы)

Период 1980—1991 годов стал этапом глубоких политических, экономических и социальных трансформаций как для Турции, так и для международной системы в целом. С точки зрения внутренней политики Турции наиболее значимым переломным моментом данного периода стали военный переворот 12 сентября 1980 года и последующее принятие Конституции 1982 года, одобренной на референдуме с результатом 92 %, что ознаменовало формирование нового политического порядка [Ortaçlı, 2023, s. 155—156]. Политика, проводимая после переворота, оказала влияние на широкий круг сфер — от системы образования до общественной жизни.

Анализируя идеологическое измерение периода 12 сентября, Акшин отмечает, что турецкая политика 1970-х годов, сместившаяся вправо, под воздействием США приняла установку о том, что «наиболее эффективным противоядием от коммунизма является ислам», в результате чего турецко-исламский синтез был оформлен в качестве официальной идеологической

рамки. В этом контексте было введено обязательное религиозное образование, в университетах стали доминировать кадры правой ориентации, а выступления лидера переворота Кенана Эврена с религиозной риторикой превратились в символические выражения данного идеологического курса [Akşin, 2022, s. 279].

В то же время на фоне ослабления общей атмосферы холодной войны турецко-советские отношения в данный период демонстрировали тенденцию к прагматическому сотрудничеству, а не к идеологической жёсткости. В правительственной программе, принятой после 12 сентября, особое внимание уделялось «дружественному развитию» отношений с Советским Союзом. Этот подход был подкреплён конкретными шагами, прежде всего в сфере энергетики и экономики. Газовое соглашение, подписанное 18 сентября 1984 года, наглядно зафиксировало формирование новой модели отношений, основанной на взаимной выгоде [Oran, 2010, s. 163].

Несмотря на относительное смягчение в двусторонних отношениях, членство Турции в НАТО продолжало оставаться ключевым фактором, определяющим политические границы взаимодействия. Вследствие этого отношения не развивались полностью бесконфликтно: такие события, как отказ Михаила Горбачёва принять Тургуту Озала во время его визита в Москву в 1986 году или давление на болгарских турок, вызывали периодические напряжения [Ibid., s. 165].

К началу 1990-х годов отношения приобрели более институционализированный и многоуровневый характер. Хотя интервенция в Азербайджане в 1990 году вызвала негативную реакцию в Турции, Анкара расценила произошедшее как внутреннее дело СССР. Рост торгового оборота, соглашения о культурном сотрудничестве, визит Эдуарда Шеварднадзе в Анкару и инициатива Чёрноморского экономического сотрудничества свидетельствуют о переходе отношений в фазу прагматического взаимодействия [Ibid., s. 166].

В этот же период сохранялось стремление Турции к интеграции с западным альянсом. Подача заявки на полноправное членство в Европейском союзе в 1987 году стала наиболее наглядным выражением данной ориентации. Осторожное отношение Запада к Турции, по выражению Ортайлы, переключается с взглядами Тойнби и отражает историческую ответственность «тенденции Запада удерживать Турцию и Россию за пределами культурных и политических союзов» [Ortaylı, 2023, s. 183].

На международном уровне заявление президента США Рональда Рейгана, назвавшего Советский Союз «империей зла», указывало на сохранение идеологической поляризации [Akşin, 2023, s. 441]. В противоположность этому реформы гласности и перестройки, инициированные Михаи-

лом Горбачёвым после его прихода к власти в 1985 году, были направлены на смягчение жёсткого климата холодной войны; однако они не смогли сохранить систему. После отставки Горбачёва 25 декабря 1991 года Советский Союз официально прекратил своё существование, что ознаменовало завершение холодной войны.

В последние годы холодной войны турецко-советские отношения вышли за рамки открытой враждебной риторики и вступили в осторожный процесс нормализации. Эти политические трансформации затронули не только внешнюю политику, но и конструирование коллективной памяти посредством исторического образования, создав условия для формирования более прагматичной и смягчённой дискурсивной рамки образа России в учебниках.

Анализ учебников периода 1980—1991 годов свидетельствует о заметной трансформации образовательного дискурса в условиях позднего этапа холодной войны. Введённый в 1981 году курс «История турецкой революции» был ориентирован на систематическое изложение принципов Республики и рассматривал исторические отношения в выраженном идеологическом контексте. Так, в учебнике «История турецкой революции», подготовленном Су и Мумджу и изданном в 1981 году, в разделе «Армянский вопрос и войны с армянами» утверждается, что русские «беспощадно» подстрекали армян в Восточной Анатолии, что формирует образ России как актора, манипулирующего региональными конфликтами в собственных интересах [Mumcu et al., 1981, s. 117].

Во то же время в данном учебнике обращает на себя внимание более сдержанная трактовка советско-турецких отношений периода Национально-освободительной борьбы. Совместное упоминание США и Советской России как держав, проявлявших интерес к туркам, а также указание на позитивное отношение большевистского руководства к национальному движению в Анатолии, мотивированное соображениями безопасности, свидетельствуют об отходе от жёсткой антикоммунистической риторики и отражают осторожную внешнеполитическую линию Турции в образовательной сфере [Ibid., s. 141—143].

Более развёрнутая интерпретация представлена в учебнике «История турецкой революции», написанном Хамзой Эроглу и опубликованном в 1982 году, где сближение Турции и Советской России объясняется международными факторами, включая вопрос Мосула, Локарнские соглашения и подписание Договора о ненападении 1925 года. Одновременно подчёркивается, что ориентация Турции на Запад и антикоммунистические меры Анкары вызвали негативную реакцию СССР и стали источником напряжённости [Eroglu, 1982, s. 356—357]. Советский Союз при этом пози-

ционируется как актор, оказывающий помощь с учётом собственных идеологических интересов, то есть как «полезный, но ненадёжный» партнёр.

В учебнике «История» для 3 класса лица, написанном Ниязи Акшитом и изданном в 1986 году, в разделе «Россия и большевизм» коммунизм описывается в более нейтральном и объяснительном ключе: отмечаются его практическая реализация в ленинский период, формирование системы общественной собственности и попытки экспорта идеологии — без прежней жёсткой полемики холодной войны [Akşit, 1986, s. 261]. Вместе с тем в разделе «Колониализм европейских государств» сохраняется критическая оценка исторической роли России, представленной как создатель «колониальной империи» после захвата Кавказа, Туркестана и Сибири, что подчёркивает функцию образования в поддержании национального и культурного сознания [Ibid., с. 263].

В целом анализ периода 1980—1991 годов показывает, что восприятие России в турецкой системе образования постепенно смещалось от жёсткого и враждебного тона предыдущих десятилетий к более осторожной и нейтральной линии. Вопросы коммунизма и холодной войны рассматривались поверхностно, а основной целью стало удержание учащихся от идеологической поляризации. Хотя подобный подход затруднял формирование у молодого поколения целостного понимания международных отношений эпохи, он соответствовал приоритетной задаче государства после 12 сентября — обеспечению общественной стабильности. В этот период образование использовалось как инструмент идеологической нейтрализации и балансирования: образ России в целом был смягчён, крайние антикоммунистические клише в коллективной памяти сглажены и заменены более рациональным, контролируемым и уравновешенным нарративом.

4. Заключение = Conclusions

Образование является одним из ключевых инструментов формирования коллективной памяти обществ, при этом данная память подлежит переосмыслению в соответствии с политическими и идеологическими условиями конкретного исторического периода. Настоящее исследование показало, каким образом в турецкой системе образования в 1945—1991 годы конструировался образ России и как данный образ трансформировался в зависимости от внешнеполитических ориентиров Турции и изменяющейся международной конъюнктуры холодной войны. Проанализированные учебники демонстрируют, что историческое образование функционировало не только как сфера передачи знаний, но и как механизм производства коллективной памяти, отражающий восприятие безопасности государства, его идеологические предпочтения и внешнеполитические приоритеты.

С точки зрения преемственности коллективной памяти следует учитывать, что отношение Турции к Советскому Союзу в период холодной войны не ограничивалось исключительно актуальными политическими обстоятельствами, но также было связано с воспроизводством укоренившегося в турецкой исторической памяти образа «москофа». Данное историческое восприятие могло находить отражение в образовательных нарративах и оказывать влияние на формирование устойчивых представлений в сфере исторического обучения.

Результаты исследования свидетельствуют о том, что в период 1945—1950 годов политические и идеологические противоречия между Турцией и СССР ещё не получили прямого отражения в образовательной сфере, а образ России в учебниках сохранял относительно нейтральный, а местами и позитивный характер. Однако после 1950 года, по мере усиления двусторонней напряжённости и радикализации холодной войны, Советский Союз стал однозначно позиционироваться в учебных материалах как идеологическая угроза; антикоммунистическая риторика приобрела системный характер, а образ России был заново сконструирован в координатах «чужого» и «опасного». В этот период образование превратилось в функциональный инструмент легитимации прозападной внешнеполитической ориентации на уровне общественного сознания.

В 1960—1980 годы данная идеологическая рамка в целом сохранялась, однако к концу 1970-х годов относительное смягчение турецко-советских отношений начало ограничено и осторожно отражаться в содержании учебников. После 1980 года внутренняя политическая трансформация Турции, а также процессы распада международной системы, связанные с политикой гласности и перестройки в Советском Союзе, создали предпосылки для перехода к более сбалансированному и нейтральному языку в образовательных нарративах о России.

В данном контексте становится очевидным, что от исторического образования не всегда можно ожидать полной независимости от приоритетов государственной безопасности и внешнеполитических ориентиров, равно как и абсолютной объективности. Вместе с тем данное обстоятельство не делает излишним стремление к реконструкции исторического знания и коллективной памяти на более объективной и многомерной основе. Рассматриваемый период представляет собой показательный пример того, каким образом историческое образование может трансформироваться в зависимости от политической конъюнктуры.

С точки зрения вклада в научную литературу настоящее исследование раскрывает особенности восприятия России через призму образовательной политики и учебных нарративов Турции — страны-члена НАТО —

в контексте холодной войны, тем самым проливая свет на процессы формирования образа России во внешней и оппозиционной коллективной памяти. В этом отношении статья представляет собой оригинальный пример анализа зачастую игнорируемой перспективы «России извне» на основе дискурса государственного контроля в сфере образования. Кроме того, исследование демонстрирует, каким образом представления о России институционализировались посредством педагогических инструментов в условиях идеологического соперничества, внося теоретический и эмпирический вклад в сравнительные исследования взаимосвязи между образованием, коллективной памятью и политическим контекстом.

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.	The author declares no conflicts of interests.
---	--

Источники и принятые сокращения

1. Akşit N. Sosyal Bilgiler : Ortaokul 2. Sınıf / N. Akşit, F. Sanır, T. Asal. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1979. — 326 s.
2. Akşit N. Tarih : Lise 3. Sınıf / N. Akşit. — İstanbul : Remzi Kitabevi, 1986. — 200 s.
3. Cezar M. Tarih : Ortaokul 3 / M. Cezar. — İstanbul : Okul Kitapları, 1951. — 245 s.
4. Duru K. N. Tarih : Orta III / K. N. Duru, K. Su. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1947. — 208 s.
5. Eroğlu H. Türk İnkılap Tarihi / H. Eroğlu. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1982. — 559 s.
6. Karal E. Z. Türkiye Cumhuriyeti Tarihi 1918—1953 / E. Z. Karal. — İstanbul : Maarif Basımevi, 1958. — 230 s.
7. Karal E. Z. Lise Kitapları : Türkiye Cumhuriyeti Tarihi 1918—1965 / E. Z. Karal. — Ankara : Türk Tarih Kurumu Basımevi, 1978. — 294 s.
8. Mumcu A. Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi / A. Mumcu, M. Su. — İstanbul : Milli Eğitim Basımevi, 1981. — 262 s.
9. Öztuna Y. Tarih III : Lise Kitapları / Y. Öztuna. — Ankara : Milli Eğitim Bakanlığı, 1976. — 478 s.
10. Şapolyo E. B. Türkiye Cumhuriyeti Tarihi : Lise Kitapları / E. B. Şapolyo. — İstanbul : Rafet Zaimler Kitabevi, 1966. — 269 s.
11. Unat F. R. Tarih Kitabı : Ortaokul 3 / F. R. Unat, K. Su. — İstanbul : Kanaat Yayınevi, 1954. — 194 s.

Литература

1. Алиева С. И. Турция и тюркский мир в российских учебниках истории / С. И. Алиева // Постсоветские исследования. — 2021. — Т. 4. — № 1. — С. 7—21. — DOI: 10.34905/PC.2021.24.1.002.
2. Россия в учебниках истории стран Ближнего и Постсоветского Востока, Китая : реферативный сборник / ИНИОН РАН ; отв. ред. В. А. Аватков. — Москва : ИНИОН РАН, 2024. — 155 с. — ISBN 978-5-248-01107-0.
3. Широкоград А. Б. Россия и Турция : анатомия противостояния / А. Б. Широкоград. — Москва : Вече, 2016. — 432 с. — ISBN 978-5-4444-2343-7.

4. *Ahmad F.* Demokrasi Sürecinde Türkiye 1945—1980 / F. Ahmad. — İstanbul : Hil Yayın, 1996. — 335 s. — ISBN 975-7639-19-7.
5. *Akandere O.* Köy enstitülerinin ideolojik yapısı / O. Akandere, N. Yıldız // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. — 2017. — T. 17. — № 35. — S. 275—316.
6. *Akşin S.* Kısa Türkiye Tarihi / S. Akşin. — İstanbul : İş Bankası Kültür Yayınları, 2022. — 400 s. — ISBN 978-625-405-718-8.
7. *Akşin S.* Kısa 20. Yüzyıl Tarihi / S. Akşin. — İstanbul : İş Bankası Kültür Yayınları, 2023. — 312 s. — ISBN 978-625-405-512-2.
8. *Aktaş Ö.* Osmanlı Devleti'nden Türkiye Cumhuriyeti'ne tarih ders kitaplarında Rusya imgesi / Ö. Aktaş // Millî Eğitim. — 2013. — T. 43. — № 199. — S. 186—206.
9. *Althusser L.* İdeoloji ve Devletin İdeolojik Aygıtları / L. Althusser. — İstanbul : İthaki Yayınları, 2010. — 168 s. — ISBN 978-605-375-135-9.
10. *Armaoğlu F.* 20. Yüzyıl Siyasi Tarihi (1914—1995) / F. Armaoğlu. — İstanbul : Kronik Kitap, 2018. — 960 s. — ISBN 978-975-2430-25-3.
11. *Arslan L.* Siyasal ve kültürel diplomasi sarmalında Türk Amerikan ilişkilerinin gelişimi / L. Arslan, N. Aysal // OPUS Uluslararası Toplum Araştırmaları Dergisi. — 2021. — T. 18. — № 42. — S. 6001—6024. — DOI: 10.17522/opus.904838.
12. *Aslan Z.* Demokrat Parti döneminde Türkiye—SSCB ilişkileri / Z. Aslan, S. Erdoğan // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. — 2021. — T. 21. — № 42. — S. 295—317.
13. *Assmann J.* Kültürel Bellek / J. Assmann. — İstanbul : Ayrıntı Yayınları, 2015. — 400 s. — ISBN 978-975-539-117-3.
14. *Boyer P.* Zihinde ve kültürde bellek / P. Boyer, J. W. Wertsch. — İstanbul : İş Bankası Kültür Yayınları, 2015. — 264 s. — ISBN 978-605-332-120-0.
15. *Boykoy S.* Türkiye'de 1939—1945 yıllarında tarih öğretim programları / S. Boykoy // U.Ü. Sosyal Bilimler Dergisi. — 2011. — T. 12. — № 21. — S. 157—181.
16. *Canar B.* SSCB—Türkiye İlişkilerinde Kıbrıs Sorunu / B. Canar // ViraVerita. — 2018. — № 8. — S. 223—246.
17. *Çelik A.* Soğuk savaşın başlarında Türkiye'de anti-komünizm / A. Çelik // Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi. — 2020a. — T. 30. — № 1. — S. 399—411.
18. *Çelik A.* Soğuk Savaş'ın Oluşum Süreci ve Türkiye'ye Etkileri / A. Çelik. — İstanbul : Hiperyayın, 2020b. — 234 s. — ISBN 978-605-281-323-9.
19. *Derman G. S.* Türkiye'nin SSCB ve ABD ile ilişkileri / G. S. Derman, V. Kurban // SDÜ Sosyal Bilimler Dergisi. — 2015. — № 35. — S. 19—46.
20. *Güler Y. II.* Dünya Harbi Sonrası Türk—Amerikan İlişkileri / Y. Güler // Gazi Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi. — 2004. — T. 5. — № 2. — S. 209—224.
21. *Gülmez N.* U-2 uçak krizi / N. Gülmez, B. Tahancı // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. — 2014. — T. 14. — № 28. — S. 225—252.
22. *Gürün K.* Türk-Sovyet İlişkileri (1920—1953) / K. Gürün. — Ankara : Türk Tarih Kurumu, 1991. — 384 s. — ISBN 975-16-0418-7.
23. *Halbwachs M.* Kolektif Bellek / M. Halbwachs. — İstanbul : Pinhan Yayıncılık, 2023. — 224 s. — ISBN 978-605-72546-7-2.
24. *Hale W.* Türk Dış Politikası 1774—2000 / W. Hale. — İstanbul : Mozaik, 2003. — 424 s. — ISBN 975-8648-15-X.
25. *Hasanov B.* İbn Haldun'da asabiyet kavramı / B. Hasanov // Elektronik Sosyal Bilimler Dergisi. — 2016. — T. 15. — № 59. — S. 1437—1446.
26. *Hobsbawm E.* Kısa 20. Yüzyıl / E. Hobsbawm. — İstanbul : Everest Yayınları, 2011. — 448 s. — ISBN 978-975-289-799-5.

27. İlyas A. Johnson Mektubu / A. İlyas // Sosyal Bilimler Dergisi. — 2015. — № 10. — S. 163—177.
28. Kısakürek N. F. Türkiye’de Komünizma ve Köy Enstitüleri / N. F. Kısakürek. — İstanbul : Doğan Güneş, 1962. — 132 s.
29. Koca M. 68 Öğrenci Olayları / M. Koca // Birey ve Toplum. — 2018. — T. 8. — № 1. — S. 87—109.
30. Koca M. Türk sağının 68 olayları üzerinden komünizme bakışı / M. Koca // Eğitim ve Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi. — 2021. — S. 52—82.
31. Kurat A. N. Dünya Tarihi : Rusya Tarihi / A. N. Kurat. — Ankara : Türk Tarih Kurumu, 1987. — 632 s. — ISBN 978-975-1604-70-9.
32. Kurban V. 1950—1960 yıllarında Türkiye–SSCB ilişkileri / V. Kurban // Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi. — 2014. — T. 14. — № 28. — S. 253—282.
33. Oran B. (ed.). Türk Dış Politikası / B. Oran (ed.). — İstanbul : İletişim Yayınları, 2009. — T. 1. — 936 s. — ISBN 978-975-0504-56-5.
34. Oran B. (ed.). Türk Dış Politikası / B. Oran (ed.). — İstanbul : İletişim Yayınları, 2010. — T. 2. — 816 s. — ISBN 978-975-0504-57-2.
35. Ortaylı İ. Türkiye’nin Yakın Tarihi / İ. Ortaylı. — İstanbul : Kronik Kitap, 2023. — 304 s. — ISBN 978-625-8431-93-9.
36. Şahin M. Türkiye’de tarih ders kitaplarında Sovyet/Rus imgesi / M. Şahin, M. Soysal // Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi. — 2018. — T. 11. — № 61. — S. 332—339.
37. Topsakal İ. Tarihi süreçte Rusya-Türkiye ilişkileri / İ. Topsakal // Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi. — 2016. — T. 3. — № 2. — S. 33—53.

Статья поступила в редакцию 26.12.2025,
одобрена после рецензирования 10.04.2026,
подготовлена к публикации 14.05.2026.

Material resources

- Akşit, N., Sanır, F., Asal, T. (1979). *Sosyal Bilgiler: Ortaokul 2. Sınıf*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi. 326 s. (In Turkish.).
- Akşit, N. (1986). *Tarih: Lise 3. Sınıf*. İstanbul: Remzi Kitabevi. 200 s. (In Turkish.).
- Cezar, M. (1951). *Tarih: Ortaokul 3. İstanbul: Okul Kitapları. 245 s. (In Turkish.).*
- Duru, K. N., Su, K. (1947). *Tarih: Orta III. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi. 208 s. (In Turkish.).*
- Eroğlu, H. (1982). *Türk İnkılap Tarihi*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi. 559 s. (In Turkish.).
- Karal, E. Z. (1958). *Türkiye Cumhuriyeti Tarihi 1918—1953*. İstanbul: Maarif Basımevi. 230 s. (In Turkish.).
- Karal, E. Z. (1978). *Lise Kitapları: Türkiye Cumhuriyeti Tarihi 1918—1965*. Ankara: Türk Tarih Kurumu Basımevi. 294 s. (In Turkish.).
- Mumcu, A., Su, K. (1981). *Türkiye Cumhuriyeti İnkılap Tarihi*. İstanbul: Milli Eğitim Basımevi. 262 s. (In Turkish.).
- Öztuna, Y. (1976). *Tarih III: Lise Kitapları*. Ankara: Milli Eğitim Bakanlığı. 478 s. (In Turkish.).
- Şapolyo, E. B. (1966). *Türkiye Cumhuriyeti Tarihi: Lise Kitapları*. İstanbul: Rafet Zaimler Kitabevi. 269 s. (In Turkish.).
- Unat, F. R., Su, K. (1954). *Tarih Kitabı: Ortaokul 3. İstanbul: Kanaat Yayınevi. 194 s. (In Turkish.).*

References

- Ahmad, F. (1996). *Demokrasi Sürecinde Türkiye 1945—1980*. İstanbul: Hil Yayın. 335 s. ISBN 975-7639-19-7. (In Turkish.).
- Akandere, O., Yıldız, N. (2017). Köy enstitülerinin ideolojik yapısı. *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*, 17 (35): 275—316. (In Turkish.).
- Akşin, S. (2023). *Kısa 20. Yüzyıl Tarihi*. İstanbul: İş Bankası Kültür Yayınları. 312 s. ISBN 978-625-405-512-2. (In Turkish.).
- Akşin, S. (2022). *Kısa Türkiye Tarihi*. İstanbul: İş Bankası Kültür Yayınları. 400 s. ISBN 978-625-405-718-8. (In Turkish.).
- Aktaş, Ö. (2013). Osmanlı Devleti'nden Türkiye Cumhuriyeti'ne tarih ders kitaplarında Rusya imgesi. *Milli Eğitim*, 43 (199): 186—206. (In Turkish.).
- Alieva, S. I. (2021). Turkey and the Turkic world in Russian history textbooks. *Post-Soviet studies*, 4 (1): 7—21. DOI: 10.34905/PC.2021.24.1.002. (In Russ.).
- Althusser, L. (2010). *İdeoloji ve Devletin İdeolojik Aygıtları*. İstanbul: İthaki Yayınları. 168 s. ISBN 978-605-375-135-9. (In Turkish.).
- Armaoğlu, F. (2018). *20. Yüzyıl Siyasi Tarihi (1914—1995)*. İstanbul: Kronik Kitap. 960 s. ISBN 978-975-2430-25-3. (In Turkish.).
- Arslan, L., Aysal, N. (2021). Siyasal ve kültürel diplomasi sarmalında Türk Amerikan ilişkilerinin gelişimi. *OPUS Uluslararası Toplum Araştırmaları Dergisi*, 18 (42): 6001—6024. DOI: 10.17522/opus.904838. (In Turkish.).
- Aslan, Z., Erdoğan, S. (2021). Demokrat Parti döneminde Türkiye—SSCB ilişkileri. *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*, 21 (42): 295—317. (In Turkish.).
- Assmann, J. (2015). *Kültürel Bellek*. İstanbul: Ayrıntı Yayınları. 400 s. ISBN 978-975-539-117-3. (In Turkish.).
- Avatkov, V. A. (ed.). (2024). *Russia in the textbooks of the history of the countries of the Near and Post-Soviet East, China: an abstract collection*. Moscow: INION RAS. 155 p. ISBN 978-5-248-01107-0. (In Russ.).
- Boyer, P., Wertsch, J. W. (2015). *Zihinde ve kültürde bellek*. İstanbul: İş Bankası Kültür Yayınları. 264 s. ISBN 978-605-332-120-0. (In Turkish.).
- Boyko, S. (2011). Türkiye'de 1939—1945 yıllarında tarih öğretim programları. *U.Ü. Sosyal Bilimler Dergisi*, 12 (21): 157—181. (In Turkish.).
- Canar, B. (2018). SSCB—Türkiye İlişkilerinde Kıbrıs Sorunu. *ViraVerita*, 8: 223—246. (In Turkish.).
- Çelik, A. (2020b). *Soğuk Savaş'ın Oluşum Süreci ve Türkiye'ye Etkileri*. İstanbul: Hiperyayın. 234 s. ISBN 978-605-281-323-9. (In Turkish.).
- Çelik, A. (2020a). Soğuk savaşın başlarında Türkiye'de anti-komünizm. *Fırat Üniversitesi Sosyal Bilimler Dergisi*, 30 (1): 399—411. (In Turkish.).
- Derman, G. S., Kurban, V. (2015). Türkiye'nin SSCB ve ABD ile ilişkileri. *SDÜ Sosyal Bilimler Dergisi*, 35: 19—46. (In Turkish.).
- Güler, Y. (2004). II. Dünya Harbi Sonrası Türk—Amerikan İlişkileri. *Gazi Üniversitesi Eğitim Fakültesi Dergisi*, 5 (2): 209—224. (In Turkish.).
- Gülmez, N., Tahancı, B. (2014). U-2 uçak krizi. *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*, 14 (28): 225—252. (In Turkish.).
- Gürün, K. (1991). *Türk-Sovyet İlişkileri (1920—1953)*. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 384 s. ISBN 975-16-0418-7. (In Turkish.).
- Halbwachs, M. (2023). *Kolektif Bellek*. İstanbul: Pinhan Yayıncılık. 224 s. ISBN 978-605-72546-7-2. (In Turkish.).

- Hale, W. (2003). *Türk Dış Politikası 1774—2000*. İstanbul: Mozaik. 424 s. ISBN 975-8648-15-X. (In Turkish.).
- Hasanov, B. (2016). İbn Haldun'da asabiyet kavramı. *Elektronik Sosyal Bilimler Dergisi*, 15 (59): 1437—1446. (In Turkish.).
- Hobsbawm, E. (2011). *Kısa 20. Yüzyıl*. İstanbul: Everest Yayınları. 448 s. ISBN 978-975-289-799-5. (In Turkish.).
- İlyas, A. (2015). Johnson Mektubu. *Sosyal Bilimler Dergisi*, 10: 163—177. (In Turkish.).
- Kısakürek, N. F. (1962). *Türkiye'de Komünizma ve Köy Enstitüleri*. İstanbul: Doğan Güneş. 132 s. (In Turkish.).
- Koca, M. (2018). 68 Öğrenci Olayları. *Birey ve Toplum*, 8 (1): 87—109. (In Turkish.).
- Koca, M. (2021). Türk sağının 68 olayları üzerinden komünizme bakışı. *Eğitim ve Sosyal Bilimler Araştırmaları Dergisi*. 52—82. (In Turkish.).
- Kurat, A. N. (1987). *Dünya Tarihi: Rusya Tarihi*. Ankara: Türk Tarih Kurumu. 632 s. ISBN 978-975-1604-70-9. (In Turkish.).
- Kurban, V. (2014). 1950—1960 yıllarında Türkiye—SSCB ilişkileri. *Çağdaş Türkiye Tarihi Araştırmaları Dergisi*, 14 (28): 253—282. (In Turkish.).
- Oran, B. (ed.). (2009). *Türk Dış Politikası, 1*. İstanbul: İletişim Yayınları. 936 s. ISBN 978-975-0504-56-5. (In Turkish.).
- Oran, B. (ed.). (2010). *Türk Dış Politikası, 2*. İstanbul: İletişim Yayınları. 816 s. ISBN 978-975-0504-57-2. (In Turkish.).
- Ortaylı, İ. (2023). *Türkiye'nin Yakın Tarihi*. İstanbul: Kronik Kitap. 304 s. ISBN 978-625-8431-93-9. (In Turkish.).
- Şahin, M., Soysal, M. (2018). Türkiye'de tarih ders kitaplarında Sovyet/Rus imgesi. *Uluslararası Sosyal Araştırmalar Dergisi*, 11 (61): 332—339. (In Turkish.).
- Shirokorad, A. B. (2016). *Russia and Turkey: the anatomy of confrontation*. Moscow: Veche. 432 p. ISBN 978-5-4444-2343-7. (In Russ.).
- Topsakal, İ. (2016). Tarihi süreçte Rusya—Türkiye ilişkileri. *Marmara Türkiyat Araştırmaları Dergisi*, 3 (2): 33—53. (In Turkish.).

*The article was submitted 26.12.2025;
approved after reviewing 10.04.2026;
accepted for publication 14.05.2026.*